

УДК 82-32

DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-4-562-569

**ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «КАК Я УЧИЛСЯ»****Ю. А. Мануйлова***Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию функций прецедентных феноменов, играющих важную роль в сюжетной организации текста, создании образа автобиографического героя. Своеобразие повествования заключается в том, что рассказ был создан на основе публицистического выступления писателя, что и обусловило наличие в рассказе двух временных пластов, в каждом из которых содержатся прецедентные феномены. **Цель исследования:** выявить прецедентные феномены в рассказе М. Горького «Как я учился» и показать их функции в реализации авторского замысла, организации структуры повествования. **Материалы и методы.** Материалами исследования выступил текст рассказа «Как я учился», а также упомянутые в этом тексте произведения. Основными методами исследования являются интертекстуальный анализ и описательно-функциональный метод. **Результаты исследования.** В результате исследования был сделан вывод о том, что прецедентные тексты включаются в те элементы сюжета, которые связаны с воспоминаниями писателя о своем детстве, что же касается публицистических отступлений от биографической хронологической последовательности изложения истории учения, то здесь преобладает риторика писателя-публициста, практически отсутствуют отсылки к конкретным произведениям и именам.

Ключевые слова: М. Горький, «Как я учился», публицистичность, прецедентные феномены, автобиографическое начало, сюжетная структура

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мануйлова Ю. А. Функции прецедентных феноменов в рассказе М. Горького «Как я учился» // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 4. С. 562–569. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-4-562-569>

**THE FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA
IN M. GORKY'S STORY "HOW I STUDIED"****Yu. A. Manuylova***National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the functions of precedent phenomena that play an important role in the plot organization of the text and the creation of the image of the autobiographical hero. The originality of the narrative lies in the fact that the story was created on the basis of the writer's journalistic speech, which determined the presence in the story of two time layers, each of which contains precedent phenomena. **The purpose** of the study: to identify precedent phenomena in M. Gorky's story "How I studied" and show their functions in the implementation of the author's plan and organization of the narrative structure. **Materials and methods.** The research materials were the text of the story "How I Learned", as well as the works mentioned in this text; the main research methods are intertextual analysis and the descriptive-functional method. **Research results, discussion.** As a result of the study, it was concluded that precedent texts are included in those plot elements that are associated with the writer's memories of his childhood; as for journalistic deviations from the biographical chronological sequence of presentation of the history of the doctrine, the rhetoric of the writer-publicist predominates here, there are practically no references to specific works and names.

Keywords: M. Gorky, "How I studied", publicism, precedent phenomena, autobiographical principle, plot structure

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Manuylova Yu. A.* The functions of precedent phenomena in M. Gorky's story "How I Studied". *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 4, pp. 562–569. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-4-562-569>

Введение

Рассказ «Как я учился» был впервые опубликован в июне 1918 в Петрограде. В основу его легла речь М. Горького «О книгах», подготовленная им для выступления на митинге, организованном обществом «Культура и свобода». Позднее, готовя текст к изданию Гржебина в 1922 году, Горький внес новые правки, в частности, было изменено начало произведения¹. Сделанные позднее правки были связаны с тем, что Горький учитывал существенную разницу в восприятии текста слушателями и читателями. Сюжетной канвой рассказа послужили воспоминания Горького, художественно обработанные в «Детстве», «В людях», в других произведениях автобиографического характера, где он вспоминает о том, какую роль сыграла в его жизни книга [1, с. 51–54; 2], таким образом создает художественный текст, в котором прецедентные факты оказываются связующим звеном двух временных пластов произведения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что данный рассказ не был объектом изучения как художественный текст, а функции прецедентных феноменов, в том числе и произведений самого автора, не стали предметом специального исследования.

Автобиографический пласт произведений писателя рассматривался в истории горьковедения в различных планах: в контексте русской и зарубежной автобиографической прозы [3], была проделана большая лексикографическая работа и создан словарь автобиографической трилогии М. Горького². Современные исследования обращают внимание на разные аспекты произведений трилогии: ее жанровую специфику [4], аксиологическое значение образов главных героев [5], на религиозную составляющую повести «Детство» [6; 7]; функции фольклорных элементов

[8], особенности национального характера [9], функцию образа Волги [10], мировоззрение писателя [11]; прототипы героев [12], определении особенности художественного изображения личности как пример «русского ренессанса» в повести «Мои университета» [13]. Что касается рассказа «Как я учился», то его охотно публиковали и комментировали. К. Д. Муратова дала характеристику истории создания рассказа³. Л. Г. Бухарцева выступила комментатором рассказа в 16-м томе полного собрания сочинений М. Горького⁴. Однако ни художественные особенности, ни функции прецедентных текстов в этом произведении до сих пор не стали предметом специального исследования.

Прецедентные феномены рассматриваются как одна из форм интертекстуальности на том основании, что «любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [14, с. 98–99]. Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Ю. Н. Карауловым, определившим таким образом тексты, во-первых, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, во-вторых, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, в-третьих, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [15, с. 216]. Понятие «прецедентный феномен» получает родовое значение по отношению к разным «прецедентным» элементам: индивидуальному имени, ситуации, хорошо известной читателю. Они включаются в «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности», представляют собой «сложный знак», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества», и обеспечивают процесс «коммуникации через связанные

¹ Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 16. С. 608. Далее ссылки в тексте на это издание будут даны в круглых скобках с указанием страницы.

² Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с прил. словаря имен собственных. Осн. Б. А. Лариным. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974–1990.

³ Муратова К. Д. Аннотация. М., Л.: Государственное издательство детской литературы Наркомпресса РСФСР, 1945. С. 2.

⁴ Бухарцева Л. Г. Примечания. «Как я учился» // Полное собрание сочинений М. Горького: художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1937. Т. 16. С. 607–610.

с этим текстом высказывания и символы» [16, с. 150–152]. В исследованиях по проблеме прецедентности мы также использовали понятие «прецедентный образ», для которого характерна связь «с устойчивыми представлениями, существующими в сознании носителей языка» [17, с. 83–84].

Результаты исследования, обсуждения

Специфика сюжетной организации рассказа заключается в том, что изложение фактов идет от первого лица. Обращение к этой форме субъективной организации текста мотивировано соединением в нем автобиографического и публицистического начал, так как автору важно показать, что постижение жизни через опыт читателя – не единственный факт его личной судьбы, а закон жизни, который предстоит постичь каждому человеку. Зрелый писатель характеризует чтение как «таинственный процесс духовного слияния человека с великими умами всех времен и народов» (с. 418). Обращаясь к читателю, автор связывает чтение с упорным трудом в достижении целей, утверждая, что он многим «<...> обязан священному писанию человеческого духа – книгам, отражающим великие мучения и пытки растущей души человека, науке – поэзии разума, искусству – поэзии чувств» (с. 415). Эта фраза носит публицистический характер, являя собой обобщение читательского опыта автобиографического героя, круг чтения которого ко времени составления текста, был разнообразен и широк: это были книги религиозно-философского содержания, научная, художественная литература. Правда, к «священному писанию человеческого духа» он причисляет все книги, но интересно, что для этой развернутой метафоры он использует лексику, характерную именно для религиозной литературы: «*священный*», «*писание*», «*дух*», «*душа*», «*мучение*», «*пытки*». Эта лексика будет использована им и в дальнейших суждениях повествователя, признававшего, что книги вызвали у него «религиозное преклонение перед творческой силой разума человеческого» (с. 421).

В рассказе соединяются два пласта – прошлое и настоящее. Настоящее время наполнено публицистичностью, что позволяет выполнить главную функцию произведения – убедить читателей в великом значении книги в жизни человека, поэтому повествование постоянно переключается из настоящего в прошлое, обращено к воспоми-

ниям автобиографического героя, в которых и появляются прецедентные феномены.

Одна из функций прецедентных феноменов – показать, какое влияние оказало на формирование личности героя содержание первых книг, прочитанных в раннем детстве. Повествование в рассказе начинается сразу с констатации факта начала процесса освоения грамоты: «Когда мне было лет шесть-семь, мой дед начал учить меня грамоте». На тот момент уже написана повесть «Детство»¹, в которой изображен тот же автобиографический факт, художественное воплощение которого повторяется почти один в один: неожиданно вечером, достав книгу, бабушка хлопает ею себе по ладони, называет внука «скулой калмыцкой» и начинает учить мальчика азбуке. Первой книгой, названной в обоих произведениях, является Псалтырь.

Как видим, именно с освоения церковной печати начинает автобиографический герой свое знакомство с книгой, поэтому в рассказе достаточно много духовных текстов, ведь именно они оказали влияние на его раннее развитие. Герой называет чтение Псалтыря «пыткой», на это влияет, конечно, не само содержание книги, а церковнославянский язык и очень строгие методы обучения бабушки: «Для меня явились новые буквы пса, кси, дед не мог объяснить, откуда они, бил меня кулаками по голове...», что становится причиной «решительного отвращения и вражды к чтению и книгам» (с. 405). Впрочем, знакомство с Псалтырем привлекло к нему благосклонное внимание епископа Хрисанфа: «По Псалтырю учился? Кто учил? Добрый бабушка-то?» (с. 407). Полученные знания помогали учиться герою, несмотря на отсутствие другой важной для обучения книги – «Священной истории ветхого и нового завета»² – учебника для детей младшего и среднего возраста, написанного придворным протоиреем Димитрием Соколовым, одним из самых известных законоучителей, автором руководства по всем отделам курса Закона Божия³. Изложенная понятным языком в формате

¹ Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. М. : Наука, 1972. Т. 15. 644 с.

² Краткая священная история Ветхого и Нового Завета / сост. прот. церкви Марииин. дворца Д. Соколовым. СПб. : Салаевы, 1866. 252 с.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXA (60). Служ – София Палеолог. СПб. : Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1900. С. 730.

небольших рассказов история Ветхого и Нового завета знакомила детей с самыми важными библейскими сюжетами и героями.

Упоминание имен известных религиозных просветителей встречаем и в речи сапожника. С прототипом этого персонажа М. Горький познакомился в арзамасской ссылке. Автобиографический герой перечисляет основные «божественные» книги, прочитанные сапожником, искавшим в религиозной литературе, распространенной в народной среде, ответ на вопрос о смысле жизни человека. В рассказе названа Библия, сочинения Тихона Задонского, в которых он призывает человека терпеливо переносить скорби, посланные для исправления человека¹, сочинение Иоанна Златоуста, который, толкуя священные тексты, делает отступления, подчеркивает значимость Ветхого и Нового Заветов для духовной жизни современного христианина², Ефрема Сирина – сторонника буквального понимания текста, без иносказаний³. В этих именах отцов церкви, перечисляемых в рассказе, воспроизведен характерный для русского грамотного человека опыт искания духовного просвещения, сформировавшийся в православной традиции, он был освящен многовековой историей России. Однако наступают новые времена, и оказывается, что простому человеку из народа уже недостаточно тех знаний, которые дает богословская литература, поэтому возникает потребность постижения новых «законов жизни». Они перечислены автором в письме к К. П. Пятницкому от 21 июня 1902 года, где Горький, характеризуя своего арзамасского знакомого, сапожника Забродина, пишет: «Есть здесь очень интересный поп – и сапожник. Сей последний – кривой на один глаз, занимается астрономией, берет уроки математики у профессора Костерина, живущего здесь, и – мечтает – о телескопе»⁴. Разнообразные запросы сапожника удовлетворила книга Ф. К. Дрейфуса «Мировая и социальная эволюция», которую дал ему рассказчик. Опубликованная в России в 1895 году, она рассказывает о возникновении

жизни на Земле и происхождении человека, о социальных явлениях: семье, собственности, религии и нравственности. Автор придерживался мысли, что природные законы нужно приложить к историческим фактам, и раскрывал сущность эволюционного развития человека⁵. Эта книга окончательно убедила искателя в том, как ему жить: «Я желаю отвечать, по примеру святых отцов, только иначе – не подчинением, а сопротивлением злу жизни!» (с. 420) и, по свидетельству рассказчика, придерживался этого принципа до конца жизни. Этот фрагмент сюжета, отсылающий к двум разнонаправленным источникам духовного просвещения, актуализирует важнейшую для автора рассказа идею: мысль о том, что религиозная литература, воспитывающая в человеке покорность и смирение перед высшей силой, оказывается несозвучной новому времени, времени активного преобразования жизни.

В рассказе прецедентные тексты являются маркерами определенных периодов становления самосознания героя – периодов бессознательного и сознательного чтения, что представлено упоминанием книги, которую читает отчим. Это «Записки врача» Дюма-отца⁶ – цикл из четырех исторических авантурных романов, повествующих о Великой Французской революции. Авантюристность содержания романа коррелирует с поступком героя: именно в этой книге он находит деньги, на которые впоследствии покупает другие книги. Интересен тот факт, что будущего «певца революции» не заинтересовал роман, повествующий о попытках свержения французской монархии, возможно, тем самым автор подчеркивает негативное отношение к интригам и подлостям, сопутствующим революции.

Найденный в авантурном романе рубль позволил купить «Священную историю» и два томика сказок Андерсена. Сказка «Соловей» привлекла его «весело улыбающейся музыкой и еще чем-то удивительно хорошим» (с. 409). Безусловно, погружение в сказочный и гармоничный мир становится защитой от тягот суровой реальности. Скорее всего, именно поэтому он все-таки не покупает книгу про Робинзона, делая выбор в пользу

¹ Задонский Т. Сокровище духовное, от мира собираемое Святаго отца нашего Тихона, епископа Воронежского и Елецкаго. СПб. : в синодальной тип., 1868. 258 с.

² Златоуст И. Толкование на Евангелие от Матфея. М. : Сибирская благовонница, 2010. 734 с.

³ Сирин Е. Толкование на Четвероевангелие преподобного Ефрема Сирина. М. : Сибирская Благовонница, 2011. 380 с.

⁴ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. М. : Наука, 1997. Т. 3. С. 78.

⁵ Дрейфус Ф. К. Мировая и социальная эволюция. 2-е изд. М. : Типо-лит. высоч. утверж. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1895. 350 с.

⁶ Дюма А. Графиня Шарни: роман Александра Дюма из времен французской революции : в 6 т. / пер. Н. Чуйко. СПб. : А. С. Суворин, 1901–1902.

сказок. Сказки «по внешности были милые» (с. 409), а обложка Робинзона производила суровое впечатление¹. «Милые» и наивные сказки, которые мальчику рассказывала бабушка и которые помогали ему отвлечься от суровых будней, в сознании ребенка воспринимались как антитеза тяжести одиночества «реального» Робинзона, преодолевшего благодаря мужеству испытания действительностью. Книгу о Робинзоне хвалили все вокруг, говоря, что это «настоящая история», а сказки – «чушь». Роман Дефо действительно был популярен среди детей и юношества, однако подвиг Робинзона, по признанию автобиографического героя, в тот период жизни не пробудил в нем интереса к приключенческой литературе.

«Сознательное чтение», пишет Горький, появляется гораздо позднее, когда, помимо фабулы, просыпается интерес к характерам действующих лиц, а также стремление понять авторский замысел. В этот период герой читает «серьезные книги иностранных литераторов» (с. 412), не называя конкретных произведений и имен. Скорее всего, книг было множество, и не столько важны какие-то конкретные произведения, сколько общее впечатление, которое получает герой рассказа. В этот период жизни герой понимает, насколько реальность, наполненная «безрезультатным трудом», печальными людьми, пьянством, драками, отличается от мира, созданного литературой, где все более «разумно, красиво и человечно» (с. 412). Это порождает у героя желание делать что-то самому, чтобы преодолеть эту пропасть и сделать жизнь вокруг такой, какая предстает перед ним в книгах. Он упоминает два иллюстрированных журнала: «Всемирная иллюстрация» и «Живописное обозрение». Эти журналы пользовались большой популярностью, так как «Всемирная иллюстрация» была для многих людей окном в мир литературы, а «Живописное обозрение» – в мир открытий и изобретений. Они стали окном в другой мир, внушали «чувство какой-то непонятной бодрости <...> желание тоже что-то сделать, построить» (с. 415).

В сюжете рассказа есть своеобразные двойники повествователя, которые, каждый по-своему, ищет в книгах ответы на волнующие их вопросы. Образ угрюмого озорника Рыбакова введен в повествование как «зеркало» начального этапа ста-

новления самосознания героя, только еще приобретающего навык чтения. Самостоятельно прочитанное на заборе объявление (еще не книга) вызывает восторг Рыбакова, он чувствует, что приобщается к какой-то тайне, к тайне «усвоения посредством маленьких черных знаков чужой мысли и речи, чужой души». И так же, как сапожнику, Рыбакову, книги открывали герою мир другой жизни. Создавая образы своих «двойников», автор прибегает к прямой речи, передающей особенности мировосприятия каждого, но в каждом их суждении запечатлен сложный процесс освоения мира реального, подчеркнута мысль о потребности овладения грамотностью, а значит, и свободой мышления.

Не только произведения, но и известные личности формировали мировоззрение героя рассказа. В тексте встречается немало прецедентных имен, в частности, имя К. Д. Ушинского, обосновавшего звуковой прием обучения азбуке и создавшего книгу «Родное слово», представляющую комплекс педагогических материалов для обучения детей родному языку и в частности – удобной системе для обучения чтению².

Другое прецедентное имя – имя Епископа Хрисанфа (Ретивцева), нижегородского ученого-просветителя, который ввел в разработку богословской науки философско-исторический метод исследования³. Хрисанф составлял программы преподавания Закона Божия в мужских гимназиях, и именно в Нижнем Новгороде он был удостоен степени доктора богословия. Перед ним в классе Алеша читает духовный стих об Алексее, божьем человеке, являющем собой пример стойкости в борьбе с жизненными невзгодами, а внимательное отношение епископа к ребенку, возможно, стало первым случаем в жизни героя, когда знание текста стиха вызвало чувство гордости и уверенности в себе.

Перерабатывая текст публицистического выступления, Горький, конечно, включил в текст рассказа и те имена исторических деятелей, которые вышли из простого народа. Для писателя

² Ушинский К. Д. Родное слово: (Кн. для учащихся): Советы родителям и наставникам о первонач. преподавании вообще и о первонач. преподавании родн. яз. по учеб. «Родное слово». Год первый / сост. К. Ушинский. СПб. : тип. Гл. арт. упр., 1864. 91 с.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXVIIА (74). Ходский – Цензура. СПб. : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1903. С. 624.

¹ Дефо Д. Жизнь и приключения Робинзона Крузо : По Даниэлю де-Фоз : Изд. для детей. М. : Ф. И. Анский, 1873. 122 с.

эти факты были чрезвычайно важны, так как они становились аргументом в доказательстве слушателям, а затем и читателям, мысли о возможности подняться к вершинам знаний, несмотря на низкое социальное происхождение. В качестве примера в рассказе упоминается имя английского физика Майкла Фарадея, родившегося в семье кузнеца, открывшего электромагнитную индукцию, лежащую в основе современного промышленного производства электричества и многих его применений, в частности, ему принадлежит создание первой модели электродвигателя. Другое имя – английский изобретатель Джордж Стефенсон, в прошлом шахтер, положивший начало развитию парового железнодорожного транспорта. Вспоминая через много лет о том, какую роль сыграло в его познании мира знакомство с идеями этих и других выдающихся деятелей науки, Горький вводит эти прецедентные имена с тем, чтобы стимулировать интерес современного читателя начала XX века к их открытиям, послужившим к облегчению труда рабочего человека.

В рассказе Горький использует также и такие прецедентные элементы, которые отсылают читателя к произведениям самого писателя. В образе Степана Лёшина, одного из землекопов, который с большим интересом слушает молодого героя, можно уловить черты уже широко известного читателям героя Луки из пьесы «На дне», рассуждающего о добре, верующего в то, что человека можно спасти словом, что позволяет трактовать образ персонажа как прецедентный образ. Именно он своим веским словом «бывает» дает надежду главному герою в том, что существуют разумные и добрые люди. Именно после разговоров со Степаном, признается рассказчик, он начинает верить в преобразование жизни, в нем пробуждается «чувство бодрости и упрямства,

острое желание «поставить на своем»» (с. 415). Отметим, что никаких прецедентных текстов, связанных с образом Степана Лёшина, в рассказе не появляется, даже несмотря на то, что по сюжету он играет ключевую роль в судьбе повествователя. Не случайно автор дает ему говорящую фамилию – Лешин, не называет собственных произведений, в которых убеждал читателей в «победе доброго и разумного начала над злым».

Свою целеустремленность и непреклонность желаний преобразовывать мир М. Горький выражает через емкую прецедентную метафору, которая включается в публицистический фрагмент: «...с наибольшей силой охватывало юное Геркулесово желание чистить авгиевы конюшни жизни» (с. 415). М. Горький осознает масштаб социальных проблем и понимает, сколько всего нужно сделать, чтобы изменить мир к лучшему, он готов на этот практически бесконечный труд.

Заключение

Таким образом, в рассказе «Как я учился» были выделены разные прецедентные феномены, которые в связи с современными научными исследованиями можно разделить на прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные образы, прецедентные высказывания. Эти элементы являются связующим звеном между воспоминаниями и публицистическими частями, позволяя через конкретные книги и имена перейти к широкому обобщению и призыву читать и самообразовываться. Прецедентные феномены создают картину мира прошлого, погружая читателя в культурный контекст описываемого времени, но обращены к настоящему и прогнозируют будущее, определяя пафос яркой публицистичности текста, созданного на основе публичного выступления.

1. Басинский П. В. Горький. М. : Молодая гвардия, 2006. 450 с.

2. Быков Д. Л. Был ли Горький? : биографический очерк. М. : АСТ, Астрель, 2009. 289 с.

3. Михайловский Б. Автобиографическая трилогия М. Горького // Литература и новый человек. М. : Наука, 1963. С. 33–86.

4. Цирулев А. Ф. Автобиографические трилогии Л. Н. Толстого и М. Горького: (проблема «диалектики души»): монография. Н. Новгород : КиТиздат, 2012. 287 с.

5. Каскина Ю. У. Еще раз о «вечной» книге М. Горького: «Детство» // Максим Горький и литературные искания XX столетия : Горьковские чтения, 2002 г. : материалы междунар. конф. Н. Новгород : ННГУ, 2004. С. 123–129.

6. Иванов Н. Н., Ковальков П. В. Образы «Града Небесного» в повести М. Горького «Детство» // Мировая словесность для детей и о детях. М. : Московский пед. ун-т, 2003. Вып. 8. С. 136–138.

7. Мальцева Т. В. Образ благообразного мира в повести М. Горького «Детство» // Нижегородский текст русской словесности : межвуз. сб. науч. ст. Н. Новгород : НГПУ, 2007. С. 198–202.

8. Захарова В. А. Фольклор в повестях М. Горького «Детство» и в «В людях» // Вопросы советской литературы. Л. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. IV. С. 61–75.

9. Белова Т. Д. М. Горький о русском национальном характере («Две души», «По Руси», «В людях») // Труды педагогического института Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Саратов : Наука, 2006. Вып. 4: Литературоведение. С. 108–120.
10. Завельская Д. А. Волга Горького и Чирикова // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи : Горьковские чтения 2004 г. : материалы междунар. конф., Нижний Новгород, 28–29 марта 2004 года. Н. Новгород : ННГУ, 2006. С. 308–311.
11. Баранов В. И. Феномен скуки и «глобализм» в мироощущении М. Горького // Горьковские чтения – 2006. Человек и мир в творчестве М. Горького : материалы междунар. конф., Нижний Новгород, 01 января – 30 декабря 2006 года Н. Новгород : ННГУ, 2008. С. 421–425.
12. Никитин Е. Н. Мария Деренкова в повести «Мои университеты» и в жизни // Горьковские чтения – 2006. Человек и мир в творчестве М. Горького : материалы междунар. конф., Нижний Новгород, 01 января – 30 декабря 2006 года Н. Новгород : ННГУ, 2008. С. 184–187.
13. Удодов А. Б. Горький и «российский ренессанс» рубежа XIX–XX веков: к проблеме идентификации личности в горизонте национальной культуры // Вестник Воронежского университета. Серия 1: Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 141–154.
14. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Серия 9. 1995. № 1.
15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М. : ЛКИ, 2007. 261 с.
16. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М. : Флинта : Наука, 2004. 221 с.
17. Чумак-Жунь И. И. Функционирование прецедентного образа в поэтическом дискурсе // Художественный текст и языковая личность : материалы IV Всерос. науч. конф. (Томск, 27–28 октября 2005 г.). Томск, 2005. С. 83–87.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 05.11.2024 г.; принята к публикации 09.12.2024 г.

Об авторе

Мануйлова Юлия Алексеевна

аспирант кафедры славянской филология и культуры, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37), manuuloway98@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

- Basinski P. V. Gor'kii [Gorky]. M., Molodaya gvardiya Publ., 2006, 450 p. (In Russ.).
- Bykov D. L. Byl li Gor'kii? : biograficheskii ocherk [Was there Gorky? : biographical sketch]. M., AST, Astrel Publ., 2009, 289 p. (In Russ.).
- Mikhailovskii B. Avtobiograficheskaya trilogiya M. Gor'kogo [Autobiographical trilogy of M. Gorky]. *Literatura i novyi chelovek* = Literature and the new man. M., Science Publ., 1963, pp. 33–86. (In Russ.).
- Tsirulev A. F. Avtobiograficheskie trilogii L. N. Tolstogo i M. Gor'kogo: (problema “dialektiki dushi”) : monografiya [Autobiographical trilogies of L. N. Tolstoy and M. Gorky: (the problem of “dialectics of the soul”) : monograph]. N. Novgorod, KiTizdat, 2012, 287 p. (In Russ.).
- Kaskina Yu. U. Eshche raz o “vechnoi” knige M. Gor'kogo: “Detstvo” [Once again about the “eternal” book of M. Gorky: “My childhood”]. *Maksim Gor'kii i literaturnye iskaniya XX stoletiya : Gor'kovskie chteniya, 2002 g. : materialy mezhdunar. konf.* = Maxim Gorky and the literary aspirations of the 20th century : Gorky Readings. 2002 : materials of the international. conf. N. Novgorod, UNN Publishing House, 2004, pp. 123–129. (In Russ.).
- Ivanov N. N., Koval'kov P. V. Obrazy “Grada Nebesnogo” v povesti M. Gor'kogo “Detstvo” [Images of the “Heavenly City” in M. Gorky’s story “My childhood”]. *Mirovaya slovesnost' dlya detei i o detyakh* = World literature for children and about children. M., Moscow Pedagogical University Publishing House, 2003, issue 8, pp. 136–138. (In Russ.).
- Maltseva T. V. Obraz blagoobraznogo mira v povesti M. Gor'kogo “Detstvo” [The image of a handsome world in M. Gorky’s story “My childhood”]. *Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti : mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei* = Nizhny Novgorod text of Russian literature: interuniversity collection of scientific papers. N. Novgorod, NSPU Publishing House, 2007, pp. 198–202. (In Russ.).
- Zakharova V. A. Fol'klor v povestyakh M. Gor'kogo “Detstvo” i v “V lyudyakh” [Folklore in M. Gorky’s stories “My childhood” and in “In the World”]. *Questions of Soviet Literature* = Questions of Soviet Literature, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956, vol. IV, pp. 61–75. (In Russ.).
- Belova T. D. Gor'kii o russkom natsional'nom kharaktere (“Dve dushi”, “Po Rusi”, “V lyudyakh”) [M. Gorky about the Russian national character (“Two Souls”, “Across Rus”, “In the World”)]. *Trudy pedagogicheskogo instituta Saratovskogo*

gosudarstvennogo universiteta im. Chernyshevskogo = Proceedings of the Pedagogical Institute of Saratov State University named after Chernyshevsky. Saratov, Science Publ., 2006, vol. 4: Literary criticism, pp. 108–120. (In Russ.).

10. Zavel'skaya D. A. Volga Gor'kogo i Chirikova [Volga of Gorky and Chirikov]. *Tvorchestvo Maksima Gor'kogo v sotsiokul'turnom kontekste epokhi : Gor'kovskie chteniya 2004 g. : materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 28–29 marta 2004 goda* = The work of Maxim Gorky in the sociocultural twentieth period: Gorky Readings 2004: materials of the International Conference, Nizhny Novgorod, March 28–29, 2004, N. Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2006. pp. 308–311. (In Russ.).

11. Baranov V. I. Fenomen skuki i “globalizm” v mirooshchushchenii M. Gor'kogo [The phenomenon of boredom and “globalism” in the worldview of M. Gorky]. *Gor'kovskie chteniya – 2006. Chelovek i mir v tvorchestve M. Gor'kogo : materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 01 yanvarya – 30 dekabrya 2006 goda* = Gorky readings – 2006. Man and the world in the work of M. Gorky: materials of the international conference, Nizhny Novgorod, January 1 – December 30, 2006, N. Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2008, pp. 421–425. (In Russ.).

12. Nikitin E. N. Mariya Derenkova v povesti «Moi universitety» i v zhizni [Maria Derenkova in the story “My Universities” and in life]. *Gor'kovskie chteniya – 2006. Chelovek i mir v tvorchestve M. Gor'kogo : materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Nizhnii Novgorod, 01 yanvarya – 30 dekabrya 2006 goda* = Gorky readings – 2006. Man and the world in the work of M. Gorky: materials of the international conference, Nizhny Novgorod, January 1 – December 30, 2006, N. Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publishing House, 2008, pp. 184–187. (In Russ.).

13. Udodov A. B. Gor'kii i «rossiiskii renessans» rubezha XIX–XX vekov: k probleme identifikatsii lichnosti v gorizonte natsional'noi kul'tury [Gorky and the “Russian Renaissance” at the turn of the 19th–20th centuries: to the problem of personal identification in the horizon of national culture]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya 1: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of Voronezh University. Series 1: Humanities, 2001, no. 1, pp. 141–154. (In Russ.).

14. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9* = Bulletin of Moscow University. Series 9, 1995, no. 1. (In Russ.).

15. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Ed. 6th. M., Publishing house LKI, 2007, 261 p. (In Russ.).

16. Prokhorov Yu. E. Deistvitel'nost'. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse] M., Flinta : Science Publ., 2004, 221 p. (In Russ.).

17. Chumak-Zhun I. I. Funktsionirovanie pretsedentnogo obraza v poeticheskom diskurse [The functioning of a precedent image in poetic discourse]. *Khudozhestvennyi tekst i yazykovaya lichnost' : materialy IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Tomsk, 27–28 oktyabrya 2005 g.)* = Literary text and linguistic personality: materials of the IV All-Russian scientific conference (Tomsk, October 27–28, 2005), Tomsk, 2005, pp. 83–87. In Russ.).

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 09.12.2024.

About the author

Yulia A. Manuilova

Postgraduate student of the Department of Slavic Philology and Culture, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (37 Bolshaya Pokrovskaya St., Nizhny Novgorod 603000, Russian Federation), manyuloway98@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.